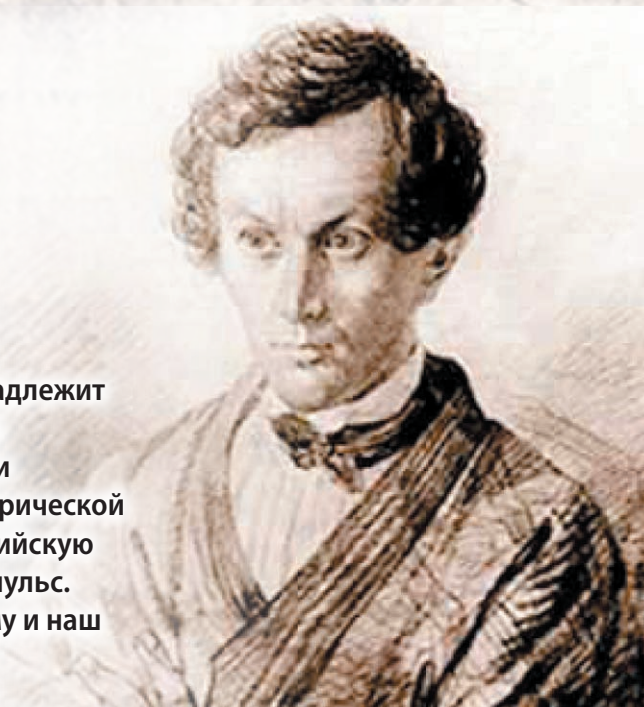


Рассказы русского солдата

Творческое наследие Николая Полевого принадлежит к НЗ русской литературы. К тому хранящемуся за семью печатями и ждущему своего времени неизвестному запасу, что на новом витке исторической спирали способен качественно обновить российскую культурную парадигму, придать ей новый импульс. Непосредственным образом причастен к этому и наш регион – родовая колыбель Полевых.



Айсберг в тумане

Пожалуй, самой большой странностью нынешнего состояния русской культуры является тот факт, что в массе своей мы не только не знаем, но даже и не догадываемся об истинной величине собственного культурного наследия. С особенной наглядностью это видно на примере литературы.

За двести лет с начала доминирования социал-демократической, а затем и тотального господства марксистско-ленинской матрицы массовое представление о русской литературе намертво застыло в объеме и форме школьной программы.

И что интересно, даже само расширение оперативного пространства вызывает панику. Вот и получается, что русская культура являет собой айсберг, подводная часть которого совершенно невидима. К ней относятся и огромное литературное, историческое, публицистическое наследие Николая Алексеевича Полевого.

Утилизация одного стереотипа

Нельзя сказать, что о Полевом в Курске не знали вообще. Посвященный ему небольшой очерк есть в книге Исаака Баскевича «Курские вечера» (Воронеж, 1979 г.). А в 2011 году патриарх местных краеведов Юрий

Бугров уделит внимание семье Полевых в «Литературных хрониках Курского края».

Но даже столь скудные упоминания содержат в себе признаки комплекса, хорошо показанного в басне Крылова «Лисица и виноград»: то, что недоступно пониманию, объявляется недостаточно зрелым.

«Конечно, большая часть того, что было написано Н.А. Полевым, – пишет Баскевич, – ныне имеет чисто историческое значение. Но для своего времени его деятельность и как критика, и как писателя была важной и значащей».

На каком основании сделано это утверждение? Автор досконально изучил предмет? Конечно, нет (дотошный исследователь никогда не будет писать о предмете своих ученых штудий столь банальными штампами). Просто не было команды сверху, никто не канонизировал Полевого, не объявил его гением, потому и вникать не стоит...

Еще более странной является статья Бугрова, причем уже с первого предложения: «Братья Ксенофонт и Николай Полевые занимают одно из видных мест в истории русской журналистики». Вот так: Ксенофонт почему-то первый, и самое главное – журналистики! А о литературных, а также исторических произведениях Николая Полевого в очерке ни слова.

Разбирая мимоходом «Рассказы русского солдата», Баскевич пишет: «Когда все, казалось, шло к лучшему, последовал неожиданный (как обычно в романтических произведениях) удар: пришла оспа. Умер сынишка Сидора, при смерти его Дуняша...»

Как будто болезнь может быть ожидаема, и в реалистических произведениях ничего неожиданного не случается.

Нечто подобное находим и у Бугрова: «Вместе с тем неровность характера Николая Алексеевича не позволила быть ему до конца последовательным. Защищая романтизм в литературе, он отрешался от реальности бытия, хотя вся его жизнь была пропитана этой реальностью».

Что имел в виду автор, одному богу известно, но очевидно, что здесь сказывается свойственный советскому литературоведению стереотип, противопоставляющий романтизм и реализм. Реализм, мол, это нечто высшее, а романтизм – то, что должно быть преодолено. И чего Полевым сделать не смог.

На самом же деле эта схема не имеет ничего общего ни с реальностью, ни со здравым смыслом. Дело в том, что романтизм как литературное направление изначально задумывался как реальное отображение жизни. Жизнь как она есть – в противовес классицизму. Другое дело, что во гла-